

The entire cover is enclosed in a rectangular gold border. In the center is a large, vertically oriented oval frame with ornate, symmetrical flourishes at the top and bottom. Inside this oval, the author's name and the title are printed in gold. A horizontal line with a central decorative element separates the author's name from the title. At the bottom of the oval frame, there is a small circular emblem containing a stylized Cyrillic letter.

ВИКТОР
СОСНОРА

ВЛАСТИТЕЛИ
И
СУДЬБЫ

СОДЕРЖАНИЕ

Я. Гордин. Литературные варианты исторических событий — что это такое?	3
ДЕРЖАВИН ДО ДЕРЖАВИНА	8
СПАСИТЕЛЬНИЦА ОТЕЧЕСТВА	57
ДВЕ МАСКИ	144
ГДЕ, МЕДЕЯ, ТВОЙ ДОМ?	230

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ СОСНОРА

ВЛАСТИТЕЛИ И СУДЬБЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1986, 296 стр

План выпуска 1986 г. № 145

Редактор Ф. Г. Кацас

Худож. редактор А. С. Орлов

Техн. редактор Е. Ф. Шараева

Корректоры Е. Я. Лалинь и Ф. С. Флейтман

ИБ № 3127

Сдано в набор 24.04.86. Подписано к печати 9.09.86. М 42546. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага кн.-журн. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 16,53. Тираж 30 000 экз. Заказ № 249. Цена 1 р. 50 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191104, Ленинград, Литейный пр., 36. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3

ВИКТОР
СОСНОРА

ВЛАСТИТЕЛИ
И
СУДЬБЫ

Литературные варианты
исторических событий

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Ленинградское отделение
1986

Художник Михаил Новиков

Соснора В.
С 66 Властители и судьбы: Повести. — Л.: Сов писатель, 1986. — 296 с.

«Властители и судьбы» — первая книга прозы ленинградского поэта Виктора Сосноры. Жанр произведений, включенных в книгу, можно определить как вариации на исторические темы. Первые три повести написаны на материале истории России XVIII века «Где, Медея, твой дом?» — вариация на темы древнегреческого мифа об аргонавтах.

С $\frac{4702010200-260}{083(02)-86}$ 145 — 86

ББК 84 Р7

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВАРИАНТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ— ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

К какому жанру принадлежит то, что предлагает нам в этой книге Виктор Соснора? Вопрос не теоретический. Ибо от ответа зависит характер наших требований к книге. А от характера требований — наше восприятие.

Знаменитое пушкинское положение: «...Писателя должно судить по законам, им самим над собою признанным», столь часто употребляемое всуе, здесь — на месте.

Если это историческая проза, то почему люди, носящие исторические имена, выглядят как-то непривычно, а события пугающе отличаются от усвоенных нами моделей?

Соснора предлагает нам нечто на первый взгляд весьма странное. Если это чистый вымысел, то почему мы видим исторические имена и узнаем исторические события?

Что это — мистификация? Вызывающее пренебрежение к научному знанию?..

Знаменитый швейцарский драматург Фридрих Дюрренматт одну из самых известных пьес — «Великий Ромул» — снабдил подзаголовком «исторически недостоверная». Все в пьесе поставлено с ног на голову — мальчик-император Ромул, последний римский принцепс, предстает зрелым умудренным человеком, владыка Восточной Римской империи, сидевший в Константинополе, оказывается в одном доме с Ромулом, вожди враждующих варварских племен — Одоакр и Теодорих — рекомендуются читателям и зрителю дядюшкой и племянником. Но при этом умный и образованный Дюрренматт тончайшим образом анализирует причины распада и крушения имперского организма. И добивается на этом пути куда большего успеха, чем многие академические историки, писавшие на ту же тему.

Одна из повестей В. Сосноры — «Где, Медея, твой дом?» — выводит нас и к еще одному выразительному примеру неортодоксального жанра — пьесам Жироду. По своевольности использования того же античного материала Жироду в пьесе «Троянской войны не будет» не уступает Дюрренматту. Гектор и Одиссей предстают перед нами мудрыми дипломатами-миротворцами, а реальной причиной войны становится убийство троянцами пьяного Аякса. И, однако же, эта более чем вольная обработка великой «Илиады» исполнена глубокого и весьма современного смысла. Почему определенные группы людей хотят войны? Почему политическая мудрость оказывается бессильной перед милитаристским безумием? Какова роль слепого случая в историческом процессе?

В обостренном, гротескном, метафоризированном мире Дюрренматта и Жироду «проклятые вопросы» истории выступают особенно крупно и внятно. В этом сила и необходимость жанра «псевдоисторических», «исторически недостоверных» произведений.

Этим приемом жадно пользовалось не одно столетие искусство классицизма, опираясь на мифологические и исторические ситуации для решения вечных проблем. Столь любезный В. Сосноре русский XVIII век являет нам множество примеров того, начиная с трагедий Сумарокова и кончая «Димитрием Донским» Озерова, популярнейшим сочинением начала XIX века. «Димитрий Донской», в котором исторический материал интерпретировался с безоглядной свободой, был последним мощным всплеском русского классицизма.

Если, как видим, повесть о Медее естественно примыкает к определенной традиции и сомнений не вызывает, то с повестями о Державине, Екатерине II и Миротвиче дело обстоит несколько сложнее. Хотя вышесказанное имеет и к ним непосредственное отношение.

Если бы можно было назвать повести «псевдоисторической прозой», то все затруднения снимались бы механически. Увы, этот легкий выход в данном случае неправомерен. Мы имеем дело с жанром, существующим на границе между «псевдоисторической» и исторической прозой. Жанром, существующим по своим законам.

В исследовательских работах все чаще появляется мысль о принципиальной многовариантности исторического процесса. Для понимания прозы В. Сосноры это чрезвычайно важно. Он и не стремится выстроить худо-

жественный эквивалент события. Ему хочется увидеть, что же там — за событием? Он, в некотором роде, ребенок, пытающийся заглянуть за зеркало. Но в этой кажущейся наивности оказывается немалый резон. Во тьме «зазеркалья» Соснора видит бесчисленные лики-варианты события, на его взгляд более осмысленные, чем парадное отражение. Тынянов советовал заглянуть за документ. Соснора воспринял этот совет (иногда слишком буквально).

Проза Сосноры историческая по своей исходной точке — он отталкивается от конкретного и серьезного знания. Каждый, кто знаком с мемуарной литературой, описывающей послепетровский XVIII век, видит, как многообразно использует Соснора этот мемуарный пласт.

Проза Сосноры «псевдоисторическая» по своему главному методу — превращению события в метафору, процесса — в систему метафор. Соснору интересует не столько процесс как таковой, сколько заостренный — иногда до парадоксальности — образ процесса.

Соснора разворачивает перед нами фантастический и фантазмагорический мир политических бурь, заквашенных на низменных страстях, случайных ситуаций, от которых зависят в конечном счете судьбы миллионов, забавных нелепостей, оборачивающихся грозными событиями, чудачеств, за которыми стоят страх и бессилие.

тут встают два вопроса — почему и зачем.

Почему?

В нашей критике и литературоведении давно и закономерно употребляется термин — проза поэта. Термин этот вовсе не означает, что тот или иной текст написан человеком, который, главным образом, пишет стихи или раньше их писал. Повести Пушкина — отнюдь не проза поэта. Это проза великого прозаика. То же и с Лермонтовым. А проза Цветаевой — проза поэта и только поэта. Проза поэта — текст, существующий по поэтическим законам. В данном случае мы имеем дело с текстом принципиально ассоциативным — в том смысле, что связи отдельных ситуаций лежат на уровнях связей поэтических: от внешности персонажа зависят сюжетные повороты; стремление опровергнуть недобросовестные свидетельства или ретроспективный вымысел, реализуясь с истинно цветаевской страстностью, рождает полемические миражи — вымыслу недобросовестному противопоставляется не реальность, но другой вымысел — добросовестный, реабилитирующий героя; само движение сюжета часто

построено не по логике развития исторического действия, а по ломоносовскому принципу «сопряжения далековых понятий».

В таких случаях многое зависит от того, сознает автор особенность своей позиции или нет. Честен он перед собой и перед читателем или нет.

Соснора никого не обманывает. Он не выдает свои повести за фотографический портрет событий и лиц. Он всячески подчеркивает своим стилем их неадекватность сырому материалу. Именно подчеркнуто заостренным стилем, демонстративно поэтическим построением текста он дает понять читателю, как нужно воспринимать его повести. Ведь никому не придет в голову воспринимать метафору в стихах как зеркальное воспроизведение бытового факта.

Зачем?

Какую цель преследует Соснора, идя столь непривычным для познания и изображения истории путем? Ту же, что любой добросовестный историк и писатель, — понять не видимость, но суть событий прошлого. По своей конечной цели проза В. Сосноры вполне исторична.

Прибегнув к «поэтическому методу», автор получает возможность свободного моделирования ситуаций. А это в свою очередь позволяет ему рассмотреть событие или характер с самых разных сторон, вывернуть его наизнанку, проверить самыми рискованными предположениями.

Разумеется, Соснора знает, что переворот, вознесший Екатерину II на вершину власти, был тщательно подготовлен и только в последний момент по воле обстоятельств превратился в импровизацию. Однако он предлагает читателю иной вариант — нелепую импровизацию с анекдотическими чертами от начала до конца. Он делает это для того, чтобы показать с самого начала, с самых корней «незаконность» екатерининского царствования, анекдотичность ее претензий на звание «спасительницы отечества». Можно с ним не соглашаться. Но нельзя не признать, что основания для подобной позиции есть. «Спасительница отечества» катастрофически увеличила число рабов в своей империи, а положение этих рабов сделала многократно тяжелее. Именно при Екатерине у крепостных крестьян были отняты последние человеческие права. И никакой гром побед, купленных солдатской кровью, не возместит России страдания и унижения миллионов русских мужиков. «Развратная государыня

развратила свое государство», — ска Пушкин. И на эту глубокую и многослу опирается Соснора.

«Поэтический метод» исследования истории имеет свои издержки. Опровергать Соснору по конкретным фактам, по интерпретации конкретных ситуаций вполне возможно. И он это знает и на это идет.

Но, на мой взгляд, гораздо продуктивнее постараться понять общий пафос его повестей.

Виктор Соснора на стороне убитых, замученных, обогнанных. За истерзанным страшной участью Иоанном Антоновичем видятся сотни и тысячи жертв самодержавного лицемерия в разные эпохи империи. И потому не так уж важно — абсолютно ли доказал автор ясность

Можно оспорить точку зрения Сосноры на личность и деятельность Петра III. Но для меня куда важнее суть авторского замысла — доказать гнусность приема, примененного к незадачливому императору: убить, а потом оклеветать. Мы знаем, что это был любимый прием российского самодержавия в разные его эпохи. Мы знаем официальные документы о декабристах, которых представляли развратными и буйными мальчишками, а возставших солдат — пьяной толпой. Мы знаем, что говорили в придворных кругах о Пушкине после его гибели. И вот этот страшный механизм исторической клеветы Соснора показал со страстью убежденности.

Можно оспорить оценку Соснорой елизаветинского царствования, на мой взгляд, насыщенного идеями и важными государственными начинаниями. Но я понимаю, — для Сосноры утверждение, что при Елизавете ничего не происходило, а «жить было нестрашно и скучно», — образ-антитеза к екатерининскому карнавалу. Как человек, занимающийся русской историей, я не разделяю многих утверждений автора повестей. Но что из того? Даже если в отдельных случаях моя позиция сильнее и аргументированнее, Соснора, как и любой человек — и в частности писатель, взыскующий истины, — имеет право на ошибку. Редко кому из наших с Соснорой коллег удастся достичь безусловной истины (и реже всего тем, кто исповедует историческую «умеренность и аккуратность»). Но достоинство писателя требует честно двигаться в этом направлении.

Я. Гордич

ДЕРЖАВИН ДО ДЕРЖАВИНА

1

искусстве существуют только Первые.

Державин — первый в русской поэзии поднял флаг и вышел в океан.

Он был один на корабле, сам штурман, сам капитан, сам рулевой.

Каким же нужно было обладать гением, какими мускулами, энергией, интуицией чтобы бесстрашно вести одинокий корабль через неизученный, белый от бурь океан!

Командор никогда не опускал свои мясистые руки, никогда не смотрел своими маленькими оплывшими глазами мимо солнца.

Державин писал:

«Орел открытыми очами смотрит на красоту солнца и восхищается им к высочайшему парению; ночные только птицы не могут сносить без досады его сияние».

Это не повесть-жизнеописание.

Это попытка введения в биографию Державина.

2

У него тоже была комета.

Как в евангелиях Вифлеемская звезда.

Комета получилась так. Пропали все звезды, и пропала луна. В воздухе замелькали красные искры. Потом небо вспыхнуло, засияло. Потом в сиянии возникли шесть белых столбов. Столбы стояли вокруг дома, где родился Державин, пока не погасли.

Младенец не испугался. Он обрадовался. Он протянул указательный перст в сторону кометы и провозгласил:

— БОГ!

«БОГ!» — вот первое слово, которое сказал Державин, еще не научившийся говорить слова «мама» и «дай».

Все это он сочинит уже через пятьдесят лет, чтобы приписать провидению свою судьбу: божественная комета предсказала ему трудный путь бытия — огни, и воды, и трубы, и когда-нибудь он сложит оду «Бог», которая станет знаменитой, которую даже император Китая напишет китайскими иероглифами на сводах своего аудиенц-зала.

На самом деле:

Комета 1744 года зарегистрирована.

Комета пришла к стати.

Державин любил знаки и числа. И восточные легенды.

Нищий потомок татарского рода Багрима, он родился даже не в Казани, как сообщает в «Записках», а в одной из самых захудалых деревенок, принадлежавших его матери, под названием то ли Кормачи, то ли Сокуры, верстах в сорока от Казани.

Он родился 3 июля 1743 года.

Отца «при исполнении служебных обязанностей» ударил копытом конь, отец заболел чахоткой и ушел в отставку. В чине полковника. Впрочем, при неблагоприятных обстоятельствах присвоение чина полковника уже означало отставку. Этот чин не давал ничего — ни пенсии, ни поместий, — последний этический реверанс военного ведомства.

Впоследствии в поэме с эллинским оттенком Державин напишет, как, прогуливаясь поутру по своим владениям, он «зрит наследственны стада».

Отец-полковник имел пятерых братьев, и каждый получил в наследство по десять душ крестьян.

Мать поэта владела пятьюдесятью душами.

Он был первенец. Он был мал, слаб и сух, и местная медицина предписала запечь его в хлебе: к больным местам прикладывали горячие лепешки сырого теста, чтобы хилому телу передавались мощь и хмель злака.

Подобно всем недорослям малого дворянства, его никак не воспитывали. Только что в четыре года обучили читать и писать. Ребенок хотел играть, а читал и писал

только тогда, когда давали конфеты в золотых и лазоревых фантиках, длинные, на весь вечер. Ничего в те зимы не происходило: воробьи на снегу да буквы на бумаге. Да и снега было не так уж и много, снежинки полетают и улетят. Солнце еле искрилось в мутных и мерзлых стеклах. Томились тараканы, посвистывали мыши в подпольях. Для мышей специально рассыпали зерно, чтобы меньше грызли мешки. Весной все ручьи были белые и не журчали.

Мать занималась младшими детьми.

Отец лежал в толстом халате и читал толстые книги. Пахло лекарствами и капустой.

Аптекарю Зелику Фришеру потребовались тарантулы. Ловля тарантулов — занятие увлекательное, но укус паука смертелен. Державин уходил в степь, он знал норы и ловил так: выстругивается палочка (ветку нельзя, гнется) и к кончику палочки привязывается нитка; к нитке привешивается шарик смолы — такая своеобразная удочка, тарантулы очень любят вкус смолы. Нужно сидеть у норы (только на восходе солнца), опустив в нее «удочку», и ждать «клева». Не нужно при первом же «клевке» выхватывать удочку, паук сорвется и убежит в свои подземелья. Нужно подождать, когда он вгрызется в смолу и увязнет, и потихоньку тянуть, чтобы не сорвался. Потом его вместе с шариком нужно сбросить в тонкую сетку, ну и так далее. За двадцать пять тарантулов Зелик Фришер платил много: хватало на сироп, на фигурные пряники и на две-три лубочные картинки.

Не помнил он своего детства... Была выюга, и он шел в шапке, но уши все равно мерзли, он слышал, как рассказывали, что, если уши мерзнут, нужно их хорошенько растереть снегом, и уши разгорятся, он тер и тер снегом, но уши были бесчувственны, тогда он просто напихал снега в уши и так явился домой... Потом всю жизнь ходил в теплых шапках и при малейших заморозках уши болели... Была еще черепаха с проломанным панцирем, которую он нашел в степи, она поползала в доме и умерла...

Первый смотр недорослей состоялся в Оренбурге.

В полутемных коридорах канцелярий, где горели свечи в металлических подсвечниках, отлитых на заводах, где на циклопических стеклах окон висели вечные балдахины из бархата, где паркетные полы были в оспинках

от каблуков чиновничьих и офицерских и паркет блестел, как вспотевший, — там собирал всех недорослей губернатор Иван Иванович Неплюев. Это он, резидент в Константинополе, губернатор Киева, а потом командир Оренбургской экспедиции, строил Оренбург на новом месте и новым методом: бесплатными силами воров и убийц, в прошлом купцов и мастеровых. Императрица Екатерина впоследствии возвела этот метод в принцип.

Мальчики стояли в домашних кафтанчиках с металлическими пуговицами, маленькие варвары, от каждого шороха на глазах у них появлялись слезы. Никто ни о чем не спрашивал — смотрели детей, считали. Для большей красоты родители смазывали волосы недорослей свиным топленым салом и приглаживали щетками из свиной щетины.

Через пять лет всех отправляли «на экзамен в науках» опять-таки в Оренбург, а еще через четыре года, шестнадцатилетних, — в герольдию в Петербург или в Москву.

Нужно было как можно быстрее ехать в Петербург и «определить» мальчика, то есть приписать его к какому-нибудь гвардейскому полку, чтобы через пять лет он начинал службу хотя бы младшим офицером. Но для поездки в Петербург у отца не было денег. Можно было бы приписать к московскому полку, но и для поездки в Москву не было денег. А в 1754 году отец умер.

Он задолжал соседям пятнадцать рублей. Пустяки, но рублей не было. Соседи отобрали по суду межевые земли. Вдохновленные таким поучительным примером, другие соседи построили на своих землях мельницы и плотины и затопили державинские луга, то есть фактически присвоили их.

Мать пошла по судам. С тремя детьми. Мать брала детей, чтобы разжалобить судей, — пустое дело. Проставали в передних часах, не осмеливаясь присесть. Ели втихомолку, из рукавов. Заискивали перед швейцарами: последняя степень унижения — заискивать перед холоуями.

Так все свои «угодья» они отдали в кортому — в аренду купцу Дрябову за сто рублей. Там хватило места только для постройки сукновальной мельницы.

Дети, происходившие от знаменитого мурзы Багрима, должны были служить в армии простыми солдатами. Древность рода здесь оказалась ни при чем. Багрим пропал с Золотой Ордой еще при Василии Темном. В Бар-

хатной книге их род был записан с самыми знатными родами Акинфиевых, Нарбековых, Кеглевых. Но это нужно было доказать. А доказать это мог только родственник, подполковник Дятлов. А подполковник жил в Можайске. А пока Дятлов искал бумаги и приехал в Москву, зима прошла, дешевый санный путь уже никак нельзя было использовать, на летнюю дорогу денег не было.

И так еще тридцать семь лет.

Это уже через тридцать семь лет Державин научился живописи жизни: красиво одеваться, быть гурманом. Быть независимым от царей и получать от рабов все то, что можно получить от рабов. Потом он давал роскошные обеды. Держал хор девушек. Покупал мальчиков-музыкантов. Посылал в подарок преосвященному теоретику стихосложения Е. Болховитинову соболя шубы и замшевые сапоги с бахромой и персидским узором.

Вот как он позднее описывает свою жизнь:

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелены ши с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны!

Когда же мы донских и крымских кубки вин
И липца, воронца и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин, —
Беседа за сладкими шутива ..

Иль в лодке вдоль реки, по берегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей,
То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.

Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождем,
Звучит музыка духовая

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет,
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.

Но эта идиллия — после тридцати семи лет страшной службы. И эти тридцать семь лет научили Державина не защищаться самому, а защищать справедливые законы, то есть научили лишь неумению служить

Он так и остался бесхитростным. Добросовестным.

Если бы он притворился политиканом, если бы ему чуть побольше хитрости и чуть поменьше совести, если бы он чуть-чуть потренировал свой характер тяжелого атлета при «просвещенном» дворе комедиантов и акробатов-эквилибристов, если бы он при докладах «вертелся во все стороны как Петрушка или как рулетка», если бы он фантазировал, как фантазировал в поэзии, а не читал по педантичной бумажке о государственных преступлениях — все, как есть на самом деле, спирепоглядя в рассерженные глаза трех императоров, если бы он не любил государственную службу для государства, а любил ее для своего благосостояния, если бы он защищал свою персону и свои интересы, а не защищал бы с непосредственностью прекрасного принца справедливые законы, если бы он хоть на минуту усомнился в элементарной истине, что законы написаны совсем не для людей, а только для тех, кто попирает их права, что законы Екатерины — всего лишь абстрактный текст, что обыкновенный человек в мире — только полузабытый апокриф, капля в море, что толкование справедливости намеренно поручено людям посредственным, потому что только посредственность, как жрущее и пьющее животное, предано хозяевам, если бы Державин определил для себя формулу холуйства, то на его председательском и министерском мундире заблестали бы все персидские жемчуга, все бразильские бриллианты и все три императора опирались бы на его мнение как на драгоценный костыль.

Ничего подобного не произошло.

Он служил не только из любви к службе (а служить он любил). Была еще инерция страха. Его преследовали кошмары скитаний и нищеты. Бросить службу и оклад и жить подачками за поэтические произведения, когда уже сорок, пятьдесят, шестьдесят лет!

Пушкин учился у Державина и потому не любил его. Пушкин подражал Державину, он перенимал его схемы и темы, но Пушкин не любил Державина. Пушкин восхищался молниеносными картинами Державина, его поэтическим мышлением, «когда в нем не было замысловатости», Пушкин признавал гений Державина и обрывал

П. Вяземского, когда тот пускался в иронию и переиначивал на свой лад творчество Державина.

Все великие поэты девятнадцатого века не любили Державина.

И не могли его любить.

Его космическая муза!

Ей сопротивлялась элегия Пушкина, ее ненавидела мнительная муза Лермонтова, космос-драма ничего не объясняла разночинной, «замученной кнутами» музе Некрасова. Державин был близок только Тютчеву, но Державин расхлябан и растрепан, Тютчев — концентрат мысли и чувства.

Символ-трагизм Блока далек от случайного трагизма Державина.

Поэтому никто из этих пяти великих художников не понимал Державина.

Но и никто из этих пяти великих художников не сумел с такой силой, в несколько строк написать:

Страху связанным цепями
И рожденным под жезлом,
Можно ль орлыными крылами
К солнцу нам парить умом?
А хотя б и возлетали,
Чувствуем ярмо свое.

Это чувство тысячу лет витало над русскими поэтами.
Как Державин сумел сформулировать это чувство?
Как он стал его автором?

3

Как ни была стеснена мать, она все же хотела обучить детей хоть чему-нибудь.

Всю оренбургскую начальную школу представлял один человек: немец Иосиф Роза, отсидевший свой срок каторжанин.

Ни об одной из наук он не имел ни малейшего представления. Обучал только немецкому языку. Но без грамматики.

Гарнизонный школьник Лебедев, а потом артиллерии штык-юнкер Полетаев учили Державина арифметике и геометрии. Правда, арифметику и геометрию они знали понаслышке. Бесхитростные учителя, они зарабатывали небольшие копейки и небольшое уважение города.

В 1758 году в Казани открылась гимназия, где обучали официально языкам: латинскому, французскому, немецкому и наукам: арифметике, геометрии, а также танцеванию, фехтованию, рисованию, музыке.

Державин пытался играть какие-то роли в школьных трагедиях по Сумарокову, но без успеха. Он сравнительно неплохо рисовал, даже скопировал карту Казанской губернии, разукрасил ее виньетками, фигурами, пейзажами, и начальство пообещало определить его в инженерный корпус кондуктором (остальные шли лейб-гвардии солдатами).

Директором гимназии был тогда Михаил Иванович Веревкин. Этот непоседливый, умный, талантливый человек опубликовал сто шестьдесят восемь томов своих и переводных сочинений. Его серьезной карьере помешал донос преподавателей Оттенталя и Дювиллара. Через тридцать четыре года он писал своему сановному ученику: «О, если бы мне пансион, соответствующий летам, чину и служению моему пятидесятилетнему трем государям! Не годы, не месяцы, а дни, может быть, остаются мне на этом свете. Даже стыжусь самого себя обрисовать вам словами нищету мою».

А тогда это был весельчак и шутник.

Новеллист, он и судьбу свою играл, как новеллу.

Правительственные планы существовали, но города строили стихийно. Архитектура домов не предусматривалась, но объявлялась длина улицы и ее прямолинейность.

Вот как осуществлялись архитектурные ансамбли.

Нарушениями всех канонов градостроительства публично прославился город Чебоксары. В Чебоксары направили Веревкина. Веревкин захватил с собой самого способного ученика-копировальщика Державина, потому что капитан Морозов, единственный представитель науки геодезии в Казани, скоропостижно скончался от алкоголизма.

Двое приехали в Чебоксары.

Ходили пятнистые коровы, и головы у них колокольной формы. Дети без штанишек, в пестрых платьицах носились толпами по зеленым берегам Волги. На деревянных скамеечках молодежь в кожаных картузах пила пиво. У девушек — косы в лентах. Коров поили прямо из переполненных колодцев. Кур ощипывали на центральной площади. На плетнях висели перины и горшки.

Инструментов не было. Только бумага, чернила и смехотворная грусть какая-то, — что же делать? Нужно было